

Венкова А.В. «Катастрофическое сознание» в культурном опыте современности (к характеристике межпарадигмальной ситуации культуры «после постмодерна») // Диалог культур 2005: горизонты гуманитарного знания. Материалы научно-практической конференции. 21 апреля 2005 г. – СПб: Астерион, 2005. - С.39-42.

**«Катастрофическое сознание» в культурном опыте современности
(к характеристике межпарадигмальной ситуации культуры
«после постмодерна»)**

Алина ВЕНКОВА

Мировая культура отвернулась от постмодерна 11 сентября 2001 года. Причиной этого явились не только соображения этического характера. Объяснение наступившей «новой серьезности» и «новой искренности» невозможностью после трагедии такого масштаба жить и чувствовать по-прежнему, верны лишь отчасти. Никакие даже самые мощные социальные детерминанты не могут повлиять на изменение культурной парадигмы, если на то нет веских оснований внутреннего характера. Современная культура воспользовалась трагедией 11 сентября для освобождения от начинающего тяготить ее постмодернистского способа обращения с миром. Накопившаяся усталость культурной ткани позволила пробить брешь в превратившейся в набор условностей постмодернистской картине мира. Особый интерес представляет *характер* события, вытолкнувшего культуру в межпарадигмальное состояние. Катастрофа 11 сентября определила параметры опыта мира, в котором катастрофичность стала и метафорой и сутью нового образа жизни.

В его основании лежит категория «события», укорененного в опыте катастрофического сознания. Катастрофа ощущается как необратимое, не переведенное в рефлексию мгновение неформализованного видения мира. В основании чувственного рисунка современности лежит мгновенное приобщение к жизненным и культурным реалиям. Что-то похожее на бартовский *ripstun* – укол реальности, взрыв, вспышку. Ничто так не занимает современное искусство, как реконструкция различного рода катастроф, данных в опыте мира. Культурное сознание работает над освоением категории «данного», то есть зафиксированного, ставшего событием. Катастрофы различного масштаба нужны современности для реконструкции утраченных в постмодерне различительных критериев. Идет работа с границей, но в направлении обратном постмодернистскому – в сторону ее реконструкции и семантизации. Катастрофа позволяет указать на ситуацию «до» и «после» опыта различения, подчеркнуть необратимость, оживить утраченные механизмы дифференциации значений.

Современность обнаруживает следы постмодерного способа обращения с миром и новые тенденции примерно в равной пропорции. От постмодерна культура унаследовала любовь к скорости, которую А.Тоффлер называл тансенцией – катастрофическим чувством времени, чья текучесть задевает человека своей неуловимостью. Момент настоящего сохраняет интерес к опыту настигания времени, нахождения внутри высокого темпа жизни, нарастающей скорости смены впечатлений, ощущения жизни как мобильной, текучей субстанции.

Другим наследием постмодерна является сохраняющая свою актуальность идея нелинейности как способ борьбы с кризисными и тупиковыми движениями культуры. Нелинейная логика как основной принцип работы постмодерни-

стского сознания обернулась привычной терапией снятия напряженных ситуаций выбора и определений значений. Сетевая логика надежно вписалась в структуру современного общества, по-прежнему называемого обществом сетевых структур (М.Кастельс). Нелинейная логика из интеллектуального допущения превратилась в социальный механизм. Статусные и ситуационные группы сменились набором сетевых узлов, связи между которыми нелинейно детерминированы и определены не иерархической логикой взаимоотношений. Фактами остаются диффузная власть и диффузное насилие. Рассеянный характер властного воздействия и его слабая проявленность компенсируются тотальным проникновением. Опыт агрессивной медиакультуры, пришедшей из постмодерна, превращается в одержимость виртуальным присутствием как фактором возможного соучастия происходящему.

Явлением, маркирующим межпарадигмальность в гуманитарной науке, по всеобщему согласию, считается синергетическое мировидение, претендующее на построение гуманитарной картины мира эпохи глобализма. Основным фактором в этом процессе является готовность синергетики работать с идеей открытости и случайности. Опыт синергетического миропредставления воспринимается как попытка формализации идеи события. Ее относительно стабильное положение поддерживается антикризисной устремленностью, терапией аксиологии состояний, каждое из которых воспринимается как необходимо данное. В качестве формы терапии синергетическое мировидение стремится соединить опыт случайности с возможностью встраивания события в систему, футурологический проект, создавая, тем самым, иллюзию управляемости культуры.

Среди новых факторов культурного сознания следует отметить глобализацию и унификацию моделей опыта, основанную на приобщенности субъекта как к позитивным моментам развития общества, таким как доступность широкого спектра благ, так и к негативным – усилению и стандартизации рисков. Не только экологические и техногенные проблемы, но и свобода перемещений усиливают фактор риска в рамках всего земного шара.

Новым опытом, составляющим социокультурную предпосылку формирования катастрофического сознания, является террор как изнанка относительно спокойной и благополучной жизни. Некоторые теоретики современной культуры, среди которых Ж.Бодрийар, приписывают терроризму различительную функцию. Терракт расценивается ими как процедура, устанавливающая временные и семантические границы. Террористический акт позволяет разбить ситуацию на «до» и «после» события, переворачивая постмодернистский тезис о взаимозаменяемости значений и форм опыта. Сам террор интерпретируется как недифференцированное и нерепрезентируемое явление. В знаменитом треугольнике Ж.Бодрийара массы-СМИ-терроризм последний отвечает за восстановление реальности. С.Жижек придерживается противоположной точки зрения, не придавая террору свойств, определяющих межпарадигмальные характеристики культуры. Он рассматривает эффект, производимый террактом как усиливающий и без того виртуализированное сознание современного общества. Функция террора по С.Жижеку не в восстановлении реальности, а в поддержании виртуальности, усилении власти медиасистем.

Наиболее явно характер новой культурной парадигмы сказывается в любви к парадоксальным решениям. Новая культурная формация вырисовывается как культура парадокса, отказывающаяся от наследия ньютоно-картезианской парадигмы. Катастрофическое сознание характеризуется спорадичностью, событийностью, деградацией навыков вербализации и формализации, понижением порога чувствительности. Классическая система репрезентации, основанная на субъект-

объектных отношениях подвергается дальнейшему распаду. Это определяет понижение уровня формализующих процедур, кризис механизмов дешифровки формальных значений. Одновременно совершенствуется опыт дорефлексивного знания, знания-действия, знания-ощущения, формируется новая чувствительность, основанная на идее «события», опыте места. Перед современным искусством встает задача обновления приемов работы с пустотой, сформированных в XX веке. Художественные практики отрабатывают опыт очищения памяти культуры, освобождая пространство для решения задачи представления катастрофического сознания, основанного на эстетике событийности. В культуре формируется опыт удержания и выражения идеи случайности как сердцевины катастрофического чувства жизни.

Современная культура читается как культура экзистенциалов, опытов обретшей форму событийности, ситуаций обнаружения человека в мире и попыток репрезентации этих опытов. На сегодняшний день можно констатировать формирование нового чувства жизни при отсутствии культурного инструментария его семантической обработки и репрезентации.

Наследие постмодерна ощущается в деградации репрезентационных стратегий, кризисе выражения. Последовательно разрабатываемые постмодерном технологии стирания границ привели к тотальной неразличимости смыслов, что в конечном итоге выразилось в распаде картины мира и замены ее дорефлексивным опытом. Катастрофическое сознание современности – это попытка восстановления значения времени, обнаружения «мест различимости», реабилитирующих границы смыслов. Современная культура не склонна рассматривать значения как обратимые. В опыте мира сегодняшнего дня не только сама жизнь, но и ее идея и даже образ не могут и не хотят обратиться в свою противоположность. Для современности жизнь не равна смерти, добро злу, слово молчанию. Опыт катастрофического сознания стремится превратиться в опыт культуры, которая в настоящее время учится удерживать и трансформировать в представлении открытую событийность, опыт мира дорефлексивной данности. Все, что происходит в культуре сейчас, так или иначе связано с освоением ситуаций открытого чувствования и проживания, удержанием и раскрытием смысла «события» как опыта мира.

(Работа выполнена в рамках проекта, поддержанного РФФИ, грант № 03-06-80217)